

УДК 378(476.5)«19»=174

Латыши в Витебском отделении Московского археологического института

Назарова Е.Л.

Институт Всеобщей истории Российской Академии наук, Москва

Автор статьи исследует социальный и профессиональный состав латышских слушателей Витебского отделения (1911–1922) Московского археологического института по документам из Центрального исторического архива Москвы. В Витебском отделении (одном из 5 работавших к 1918 г., кроме московской аудитории) училось 24 из 57 всех слушателей-латышей, в том числе 5 женщин. Среди абитуриентов были чиновники городских и губернских учреждений, военнотружачие, рабочие, учителя. Большинство из них – выходцы из крестьянского сословия, хотя в некоторых случаях – из мещан, служащих и даже из семьи потомственных почетных граждан. Некоторые имели гимназическое образование, но большая часть – неполное среднее или специальное профессиональное образование. Стремление латышей как к высшему образованию, так и в целом к повышению своего культурного уровня может характеризовать интеллектуальный потенциал латышского общества накануне революции.

Ключевые слова: Витебское отделение Московского археологического института, история высшего образования в России, национальный и социальный состав российского студенчества, латыши в России, латыши в российских вузах, социальное расслоение латышей в начале XX в., женское образование в России.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С.34–44)

Ethnic Latvians in Vitebsk branch of the Moscow archaeological institute

Nazarova E.L.

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The author of the paper studies the documents from the Central Historical Archive of Moscow, which characterize the social and professional structure of ethnic Latvian students of the Moscow Archaeological institute's Vitebsk branch (1911–1922). 24 of 57 ethnic Latvians of Moscow institute and its 5 branches studied in Vitebsk branch. There were officials of different city and province institutions, military men, workers and teachers among ethnic Latvian institute entrants, most of them were peasants by origin. Still, some of them were children of petty bourgeois, rail way officers and even of honorary citizens. Some students had secondary education (gymnasia, real and commercial school), others finished different professional or military schools. Ethnic Latvians' aspiration to get high education and to increase their level of culture can characterize the intellectual potential of the Latvian society before the revolution.

Key words: Vitebsk branch of the Moscow Archaeological institute, history of high education in the Russian Empire, social and national structure of Russian students, Latvians in Russia, Latvians in high schools of the Russian Empire, social stratification of Latvian society at the early 1900s, female education in Russia.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 34–44)

Во второй половине XIX в. в Российской империи ощущается нехватка квалифицированных специалистов не только инженерно-технических специальностей, медиков, экономистов, педагогов, но и работников архивов, музеев, библиотек, исследователей древностей.

Оказалось, что общество не может гармонично развиваться без сохранения памяти о своей культуре, истории, без изучения древних артефактов, произведений изобразительного искусства, памятников архитектуры и т.п.

Адрес для корреспонденции: e-mail: ezis08@gmail.com – Е.Л. Назарова

Образованные люди разных национальностей империи стали задумываться над тем, что есть Россия и их народ в срезе европейской цивилизации, в связи с чем рос интерес к изучению истории страны, своего города, своей семьи. Кроме того, лица, уже имевшие квалифицированные специальности, стремились повысить свой уровень культуры, расширить кругозор, что, кстати, помогало им производить более благоприятное впечатление в обществе, держаться более уверенно, более разносторонне воспитывать собственных детей, способствовало в общении с коллегами, деловыми партнерами, подчиненными и т.п.

Однако подготовка специалистов-гуманитариев тормозилась неразвитостью сети высшего образования в стране, а также социальными барьерами, ограничивавшими свободный доступ и к среднему классическому образованию, без которого нельзя было стать студентом университета. Поступить в гимназию, без аттестата («свидетельства зрелости») которой не было доступа в университеты, для представителей крестьянства и малоимущих городских слоев было очень сложно, особенно после появления циркуляра 1887 г. о «Кухаркиных детях». Доступ в училища среднего образования был ограничен и по национальному признаку (для евреев, для коренного населения народов Прибалтийских губерний, где кроме начальных школ, языком преподавания был до 1887 г. немецкий – а затем только русский).

Нехватка профессиональных кадров в стране в определенной мере компенсировалась появлением сети средних специальных учебных заведений – коммерческих, сельскохозяйственных, землемерных, ремесленных, железнодорожных юнкерских. Но переход из этих училищ к высшей ступени образования без дополнительных экзаменов за гимназический курс, был затруднен (за исключением военного образования). Существовавшая система свободного доступа к лекциям в качестве вольнослушателей позволяла получать знания и сдавать экзамены, но вольнослушатели не имели

всех прав студентов. К тому же большим недостатком российского образования было ущемление по гендерному признаку. Малое же число Высших женских курсов не удовлетворяло ни стремления женщин в высшую школу, ни реальной потребности общества в высокопрофессиональных женских кадрах разных специальностей.

Важным шагом к обеспечению общедоступного гуманитарного образования было открытие в 1877 г. Археологического института в С.-Петербурге с двухлетним сроком обучения [1]. А в сентябре 1907 г. аналогичное учебное заведение, но уже с трехлетним сроком обучения, открыли и в Москве. Институт считался частным, не имел государственного бюджета, финансирование осуществлялось за счет платы за обучение и спонсорских взносов.

Инициаторами создания Московского археологического института (далее – МАИ) были археолог В.Г. Глазов и приват-доцент Харьковского университета, историк церкви А.И. Успенский, ставший бессменным директором института вплоть до его закрытия в 1922 г. В институте изначально было два отделения – археологическое и археографическое. Позже открыли также отделение истории искусств. Первые два года обучения отводились на теоретические курсы – всего

24 общих предмета и иностранные языки (современные и древние) и специальные предметы для каждого отделения. Третий год – практика (работа в архивах, музеях, выезды на экскурсии в разные города и регионы страны и на археологические раскопки). Кроме экзаменов, выпускники могли защищать диссертацию по выбранной теме или теме, назначенной советом института. Преподавали в институте лучшие профессора Московского университета, а также учителя гимназий [2].

Несмотря на хорошую подготовку по русской и всеобщей истории, вспомогательным историческим дисциплинам, русской литературе, иностранным языкам, МАИ не был вузом в полном смысле

этого слова. Срок обучения в российских университетах был 4-летним, а не 3-летним. 4-летним срок обучения стал только по новому университетскому уставу 1918 г., когда МАИ вошел в реестр государственных вузов [3]. Учащиеся назывались не студентами, а слушателями. В действительные слушатели зачислялись лица, уже имевшие первое высшее образование. Разница между действительными слушателями и вольнослушателями состояла в том, что последние по их желанию освобождались от некоторых сложных курсов. Но вольнослушатели могли заниматься по полной программе, защищать диссертации, как и действительные слушатели, и так же, как и они, получать при выпуске звание ученого-археолога или ученого-архивиста с зачислением в действительные члены института.

Особенностью, делающей институт очень привлекательным, была равная доступность к обучению мужчин и женщин, а также обучение в вечернее время. Последнее позволяло посещать занятия работающим людям. Иначе говоря, МАИ был самым демократичным учебным заведением России начала XX в. К тому же помимо основного института в Москве до революции в разных городах страны были открыты филиалы (имевшие в разное время названия: аудитории, отделения, курсы) института: в Смоленске – в 1910 г., в Калуге, Нижнем Новгороде и Витебске – в 1911 г., в Ярославле – в 1912 г. Обучение в них шло по тем же программам и на тех же условиях, что и в Москве. Читали лекции и вели спецкурсы как местные преподаватели (учителя гимназий, других учебных заведений, сотрудники музеев и т.п.), так и приезжавшие из Москвы профессора. Для Калуги, Смоленска и Витебска отделения МАИ стали первыми высшими учебными заведениями. Для Нижнего Новгорода и Ярославля – первыми учебными заведениями такого профиля.

Высокий уровень преподавания и одновременно доступность института делала его привлекательным для многих лиц, стремившихся к знаниям. Среди

слушателей были представители самых разных народов империи. В сфере внимания настоящей статьи – абитуриенты-латыши, поступавшие в Витебское отделение (до 1918 г. – аудитория) МАИ в 1911–1920 гг.

Важность настоящего исследования в том, что научное изучение истории МАИ находится лишь на начальной стадии. Об этом институте и его особенностях упоминается в некоторых общих трудах о высших учебных заведениях Российской империи [4], а также в работах ряда архивистов (см. об этом в статье М.Ф. Шумейко [5]). Есть также отдельные статьи об отделениях МАИ, включая Витебский [6], но их явно недостаточно. Совсем не изучены такие важные аспекты, как социальный и национальный состав учащихся МАИ, что для этого вуза чрезвычайно важно. Относительно полно проанализированы только документы об учебе и работе в МАИ латышского археолога Ф. Балодиса [7]. Цель статьи – изучение деятельности этого учебного заведения, личного состава его учащихся и преподавателей, что является заметным вкладом в разработку проблемы истории высшего образования в Российской империи, а также истории национально-культурного развития народов империи накануне ее распада.

Материал и методы. Источниковая база исследования – документальный фонд МАИ из Центрального Исторического архива г. Москвы. Среди архивных материалов преобладают личные дела слушателей, которые, однако, чаще всего ограничиваются либо одним заявлением, либо дополнены еще требуемыми при поступлении документами – свидетельствами об окончании абитуриентом учебного заведения, иногда еще справками с места работы или с места жительства (в советское время); в 1919–1921 гг. встречаются также анкетные листы студента. Только в нескольких случаях сохранились зачетные книжки с перечнем сданных экзаменов и оценками. Кроме личных дел в распоряжении исследователя – отчеты о работе института за разные годы, о заседаниях ученого совета

института, письма из канцелярии института, документы о работе отдельных филиалов и переписка между филиалами и канцелярией института в Москве. В подавляющем большинстве архивные материалы впервые вводятся в научный оборот. Из опубликованных источников, важных для нашей темы, назовем справочные брошюры об условиях приема и обучения в институте, об учебных и научных задачах, а также публикации годовых отчетов о деятельности института с 1908 по 1914 г.

Результаты и их обсуждение. Всего сохранилось около 4800 личных дел. Абитуриентов-латышей из них – 57. Причем выделение из общей массы личных дел тех, которые принадлежат именно этническим латышам, часто сопряжено с отсутствием прямых этноопределяющих признаков. Непосредственно указания на национальность, как правило, отсутствуют. Чаще всего идентифицирующим признаком являются латышские фамилии поступавших в русифицированной форме. Показателем могут быть также латышский вариант христианских личных имен абитуриентов, имена их отцов (представленные в отчествах), их детей. В немецких фамилиях с окончаниями на *-сон, -берг, -ман*, также часто встречающихся у латышей, этническим показателем может быть корневая их часть, происходящая от личного имени в латышской форме или от какого-либо латышского слова. Хотя очень часто имя и фамилия практически неотличимы от немецких, или же христианские имена представлены в русском варианте. В таком случае, этноопределяющим признаком может быть указание на крестьянское происхождение, а также на место рождения или получения первоначального образования слушателя. Так, очевидно, что этническим латышом является человек с немецким именем, но крестьянин из Лифляндской или Курляндской губернии. Надо, кроме того, учитывать, что маловероятно было нахождение этнического немца в русской армии и в

прифронтовой полосе – в Витебской губернии в годы Первой мировой войны.

Вполне достоверным показателем может быть и профессиональное образование абитуриента: обучение в специальных сельскохозяйственных, землермерно-таксаторских, ремесленных, других училищах, куда можно было поступать после приходской или начальной городской школы, не имея среднего образования. Дипломы этих учебных заведений не давали права поступления в университеты, но приобретенные их выпускниками профессии позволяли выйти из крестьянского сословия. Для прибалтийских немцев такие профессиональные школы были менее привлекательны, ибо по социально-экономическому положению эта часть населения региона имела больше возможностей обучать детей в средних учебных заведениях (классических гимназиях, реальных и коммерческих училищах) и университетах. Хотя уже с конца XIX в. получение латышами и эстонцами гимназического или реального образования также уже не было редкостью. Таким образом, при выявлении лиц латышской национальности необходимо учитывать комплекс самых разных признаков. В сомнительных случаях за дополнительной информацией приходится обращаться к различным базам данных, публикациям и др. В нашей работе рассматриваются только те лица, в этническом происхождении которых нет сомнений.

Другая сложность, с которой сталкивается исследователь, – датировка личных дел, если в документах не проставлена дата. Здесь ориентирами могут быть изменения в орфографии русского языка в связи с реформой 1918 г., а кроме того, содержание заявления о приеме, что также относится к послереволюционному времени. Так, вместо «прошения» о приеме стали писать «заявление», вместо обращения «его Превосходительству господину директору» – просто «директору института» или «совету института». Правда, и в этих случаях возможна ошибка на год, так как абитуриенты нередко продолжали писать в традицион-

ной орфографии и по старым образцам заявления.

Филиалы (отделения, аудитории, курсы) МАИ открывались в губернских городах Российской империи, имевших многовековую историю, в которых сохранились средневековые памятники архитектуры, которые были связаны со значительными событиями русской истории, где работали краеведческие музеи и губернские архивные комиссии. Немаловажным фактором было присутствие известных краеведов или профессиональных историков. Так, Витебское отделение было связано с именем известного историка А.П. Сапунова. В Витебске и Смоленске Сапунов читал специальный курс «Древности Северо-Западного края» [8].

В Витебске обучались представители разных народов империи. Обращение в данной статье именно к латышам объясняется как тем, что они были административно и территориально связаны с Витебской губернией, а кроме того, в начале XX в. латыши были одним из наиболее образованных народов империи, не имея

при этом средней и даже неполной средней школы на национальном языке.

Из 57 слушателей латышей, данные о которых сохранились в архиве МАИ в Москве, в Витебское отделение поступало 24 человека или более 42% всех абитуриентов и слушателей латышской национальности.

К сожалению, по имеющимся документам мы не можем проследить, как проходила учеба поступивших в Витебское отделение слушателей и сколько из них сумело доучиться до конца. Можно лишь предположить, что те лица, в личных делах которых находилось только одно заявление, либо по каким-то причинам так и не начали учиться, либо забрали документы, бросив учебу. Хотя отсутствующие в архиве документы могли просто не сохраниться. Тем не менее, представляет интерес не только как учились латышские слушатели/студенты, но и кто именно стремился получить широкое гуманитарное образо-

вание в этом институте: лица какого возраста, социального происхождения, каких профессий посещали занятия на трех его отделениях (факультетах).

Первые два латыша появились среди слушателей Витебской аудитории уже в год открытия – в 1911 г. Это Карл Карлович Беркис, 1879 г.р. и Готфрид Ансович Ансаберг, 1871 г.р. Оба они были допущены к занятиям в качестве вольнослушателей по решению совета института по археологическому отделению [9]. Оба были крестьянами по происхождению, но сумели войти в число высших чиновников города и губернии. Первый в годы учения в институте был помощником витебского полицеймейстера, неоднократно замещал полицеймейстера в моменты отлучки того из города, второй был помощником правителя канцелярии Витебского губернатора. Оба не имели гимназического образования (хотя Беркис, возможно, сдал экзамены экстерном), оба дослужились до 12-го чина по Табели о рангах – губернского секретаря. Ансаберг имел орден св. Станислава 3-й степени (обычная награда для чиновников). У обоих слушателей жены происходили из состоятельных семей, владели недвижимостью. Жене Беркиса, дворянке и православной, принадлежал двухэтажный каменный дом в Невеле, а тесть Ансаберга, латыш, был землевладельцем [10].

Старше Ансаберга и Беркиса по возрасту был только Иоган-Каспер Янисович Вилькс, 1869 г.р., поступавший в институт в 1916 г. Он также относился к высшему витебскому чиновничеству – служил старшим ревизором Витебской контрольной палаты. Но, в отличие от двух первых, Вилькс уже имел диплом об окончании юридического факультета СПб-го университета, служил старшим ревизором Витебской контрольной палаты, дослужился до статского советника (6-й чин, последний чин личного дворянства), получил ордена Анны 2-й и 3-й степени,

св. Станислава 2-й и 3-й степени. Хотя из документов следует, что Вилькс поступал в слушатели института, его дело

включено в опись личных дел преподавателей и сотрудников. Это либо ошибка, либо Вилькс мог выполнять какие-то обязанности в штате института [11].

Еще один представитель чиновничества Витебской губернии, ставший в 1916 г. слушателем археологического отделения, был Алоиз Ричардович Брежго, 1882 г.р. Он происходил из семьи латгальских крестьян, окончил только городское училище, но позже сдал экзамен на звание частного поверенного, а после Февральской революции в марте 1917 г., был избран на должность Дрисского уездного комиссара Временного правительства и исполнял обязанности председателя съезда мировых судей Дрисского округа [12].

Чиновниками, но значительно более низкого ранга, были три землемера из Витебской губернской землеустроительной комиссии, поступавшие на археологическое отделение: в 1913 г. – уроженец Лифляндии Карл Рейнович Рубул, Петр Юрисович Берзин, родившийся в Суражском уезде Витебской губ. (оба 1886 г.р.), а в 1915 г. – Андрей Андреевич Бремзе, мещанин из Витебской губ., 1884 г.р., [13]. Рубул и Берзин имели специальное образование землемеров, а их старший товарищ Бремзе окончил двухгодичную учительскую школу, затем получил еще специальность техника-винокура в химико-технологическом училище.

Отметим, что латыши-землемеры были и среди слушателей других филиалов МАИ. Эта профессия вообще была популярна у латышей; кроме того, во время практических полевых работ землемеры могли случайно находить археологические памятники, что также способствовало желанию получить дополнительные знания в этой области.

В один год с ними, но на археографическое отделение, поступал и их сослуживец, выпускник землемерно-таксаторских классов Ян Янович Сутта. Откуда он родом и его возраст, в личном деле не указано. Но, очевидно, что он был моложе своих товарищей, так как работал еще помощником землемера. Не исключено, что именно он упомянут сре-

ди учредителей в 1909 г. «Просветительского общества» приходской школы в Эргли, в Лифляндии [14].

Стремились попасть в институт и военнослужащие – из расположенных в Витебске войск в годы Первой мировой войны и сразу после революции. В 1915 г. с просьбой выслать ему памятную книжку слушателя МАИ обратился брат А. Брежго – Станислав. В то время он служил в чине подпоручика старшим адъютантом управления Двинской сводной запасной инженерной бригады в Витебске. Правда, сам Станислав подал прошение о приеме в институт на археологическое отделение только в 1917 г. [15]. Но уже в 1915 г. в институт на археографическое отделение поступил их третий брат – впоследствии крупный латвийский историк Болеслав Брежго, в то время подпоручик 9-го Сибирского стрелкового полка [16].

Кроме братьев Брежго, абитуриентами-военнослужащими были штабс-капитан Яков Гуго Роберт Юрьевич Биезайс, 1892 г.р. и служивший в 17-м авиаотряде (кем – неизвестно) в Витебске Эрнст Карлович Шмидт, 1893 г.р. Первый – крестьянский сын, успевший до войны поучиться в коммерческом училище в Риге, поступил в институт в 1918 г. Второй, социальное происхождение которого не указано, до войны получил среднее образование в Риге, поработал педагогом и конторщиком и поступил в институт, уже служа в авиаотряде, в 1920 г. Был ли Э. Шмидт на войне неизвестно [17].

В 1914 г. слушательницей археологического отделения стала учительница приходского лютеранского училища в Витебске, Эдда Юрьевна Элкснит, 1883 г.р., дочь крестьянина, сдавшая экзамен за курс гимназии и на право работать учительницей уже в возрасте 25 лет. По семейным обстоятельствам ей пришлось пропустить семестр в 1916/17 г. Но затем она восстановилась в институте и закончила обучение в 1918 г. [18].

Больше половины латышей, поступавших в Витебское отделение МАИ, стали слушателями/студентами уже после революции после того, как МАИ был

преобразован в государственный вуз с бесплатным обучением. Более того, нуждавшиеся студенты могли получать социальную помощь. Вместе с тем, при царившем в стране хаосе было непонятно, что ждет российскую высшую школу в ближайшем будущем. Те, кто хотел получить образование, старались не упустить такую возможность. В одной из записок слушателей Ярославской аудитории к секретарю института В.И. Троицкому в июне 1918 г. содержалась настоятельная просьба способствовать приезду к ним с лекциями профессоров из Москвы, так как «жизнь стремительно несется к неизвестности и понятно желание их [слушателей. – Е.Н.] закончить институт теперь же» [19, лл. 1–2]. Вряд ли в Витебске были более оптимистические настроения.

В 1918 г. в Витебское отделение поступило 10 латышских студентов, двое – в 1919 г. и один (Э. Шмидт) – в 1920 г. Причем в 1918 г. возросла популярность факультета истории искусств. Его выбрали 5 человек. Кроме того, Алоиз и Болеслав Брежго начали заниматься на этом факультете, уже закончив два других.

Из новичков МАИ, кто в тяжелое и голодное время захотел изучать историю искусств, наверное, только один в полной мере понимал, что будет изучать: бывший рижанин Яков Яковлевич Легздын (г.р. неизвестен) после 6-классного городского училища посещал вольнослушателем Петербургскую Академию художеств.

К сожалению, никакой информации об абитуриенте не содержит заявление Александра Августовича Янсона. О его однофамильце – Гуго Яновиче известно лишь то, что в 1905 г. он закончил рижское реальное училище. Вольдемар Германович Эмзынь имел свидетельство об окончании Витебского реального училища. На факультет истории искусств в 1919 г. поступила также Ольга Викторовна Баллод, дочь потомственного почетного гражданина Витебска. Ольга получила в 1918 г. свидетельство об окончании гимназии и дополнительного

педкласса с золотой медалью; после гимназии не работала [20].

Из заявления Мартына Робертовича Матке известно только то, что он собирался изучать археологию. Больше сведений о поступавшем на археологический факультет, крестьянском сыне Петре-Альфреде Давовиче Преценеке, 1892 г., закончившем Ревельское техническое железнодорожное училище и 3 курса общеобразовательных курсов в Риге (приравнивалось к 6 классам среднего учебного заведения) нет. Как железнодорожный рабочий, он мог и не быть в действующей армии в годы войны. Студенткой археологического факультета стала и выпускница витебской гимназии с педагогическим классом Мария Мартиновна Крамп, 1899 или 1900 г.р. Отец ее был то ли арендатором, то ли управляющим имением в фольварке Малые Краповичи в Витебской губернии [21].

Не указали факультет при подаче заявления в 1918 г. Карл Петрович Баум, из крестьян Лифляндской губернии и Оттилия Христофоровна Скрытул. Она имела свидетельство об окончании витебской частной гимназии, куда поступила сразу в 5-й класс, сдав экзамены за младшие классы. Родом она, вероятно, была с территории Белоруссии (ст. Выдря) – судя по тому, где родился (в 1903 г.) Владимир Христофорович Скрытул, репрессированный и расстрелянный в 1938 г. – по всей вероятности, ее брат [22].

В 1919 г. студенткой института стала еще одна представительница семьи Брежго – Анатолия Григорьевна, дочь железнодорожных служащих. После витебской гимназии с педклассом она год или два работала учительницей [23]. Можно предположить, что археографический факультет она выбрала не без влияния своего родственника (дяди?) Б. Брежго, рассчитывая работать затем в Витебском губернском архиве. Но о дальнейшей ее судьбе сведений найти не удалось.

Неизвестна и судьба большинства из поступавших в Витебское отделение латышей. Очевидно, что те, кто начал

учиться после 1918 г., не успели закончить все 4 курса до закрытия филиала в 1922 г. Из более старших абитуриентов точно известно, что свидетельство об окончании полного курса получили К. Беркис и Э. Элксит. Все три отделения/факультета института закончили Алоиз и Болеслав Брежго.

О некоторых из упомянутых учащихся сохранились сведения в других источниках. К. Рубул был призван в армию в 1914 г. (это известно из личного дела), затем направлен в Виленское юнкерское училище, с 1915 г. воевал на фронте в составе 7 (Баусского) латышского стрелкового батальона, имел награды. С 1918 г. участвовал в создании армии Латвийской республики, воевал за ее независимость, в 1920 г. вышел в отставку, работал землемером и государственным земельным инспектором, одновременно был командиром одного из батальонов айзсаргов, имел правительственные награды. В июне 1941 года был арестован, отправлен в Кировскую область, там расстрелян в 1942 г. [24].

Его судьбу разделил Петр Берзин, который после революции жил в Витебске, работал техником. Его арестовали в 1937 г., как члена контрреволюционной организации расстреляли в январе 1938 г. [25].

В документах белорусского «Мемориала» есть сведения об аресте в 1937 г. и заключении на 10 лет в Вятлаг за антисоветскую деятельность Марии Мартыновны Крамп, работницы одного из совхозов Витебской обл. Скорее всего, речь идет о бывшей студентке Витебского отделения МАИ. Есть, правда, одно отличие – в справке «Мемориала» ее образование указано как неполное начальное. То есть, либо она скрывала сведения о себе, либо это ошибка в данных «Мемориала» [26].

Самым тесным образом судьба связала с Витебским отделением МАИ известного латышского (латгальского) историка Болеслава Брежго. В 1918 г., еще до окончания им третьего факультета (истории искусств), он был назначен заведующим Витебским отделением и оста-

вался в этой должности вплоть до его закрытия в 1922 г. В личном деле Б. Брежго сохранилась зачетная книжка, где указаны 36 сданных им на отлично экзаменов за два отделения, дополнительные экзамены за третье отделение (факультет) и диссертация на тему «Эстетические воззрения Винкельмана» [27, лл. 4–5, 13 об.–14].

На археологическое отделение института в конце 1917 г. Брежго поступал уже действительным слушателем. А с января 1918 г. он получал стипендию. То есть, из армии к этому времени он уже уволился. Экзамены за дополнительные предметы, преподававшиеся на археологическом отделении, он сдал уже летом 1918 г. и тогда же подал документы на 4-й курс отделения истории искусств [27, лл. 1, 3, 9].

Очевидно, уже к этому времени было решено о назначении его заведующим Витебским отделением МАИ. Но у него не было гимназического образования. Свидетельства об окончании городского училища и Тифлисского юнкерского училища, где не преподавали латынь, не давали права «свидетельства зрелости». Чтобы назначение на должность заведующего имело все законные основания, Брежго пришлось сдать экзамен по латыни за гимназический курс в объеме 8 классов мужской гимназии [27, лл. 21–21 об.].

Подпись Б. Брежго как заведующего Витебским отделением МАИ стоит на документах витебских студентов, начиная с 1918 г., в том числе на документах его брата и племянницы.

В ноябре–декабре 1918 г. Брежго ведет переписку как с дирекцией МАИ в Москве, так и с Витебскими губернскими властями о принятии в ведение Витебского отделения института губернского архива, оказавшегося после революции бесхозным. Передача архива институту предполагалась как временная мера, чтобы спасти это ценнейшее собрание документов от гибели. Впоследствии архив должен был стать или самостоятельным учреждением, или войти в состав какого-то другого учреждения, которое

сможет обеспечить ему нормальное существование. От имени института Брежго подписывал акт о приемке архива. Дирекция МАИ возложила на него обязанности заведующего архивом. В очень тяжелых условиях Гражданской войны и разрухи ему пришлось заниматься административными и хозяйственными делами (подбором сотрудников, расчетом бюджета архива, составлением сметы расходов и объяснительных записок с указанием необходимых затрат на ремонт, отопление, освещение, других документов). Пока продолжало работать Витебское отделение МАИ, архив считался учебным [28, лл. 29–37, 215 об.].

Параллельно Брежго руководил учебным процессом отделения. Поскольку в 1918–1919 гг. Витебская губерния входила в Западную область с центром в Смоленске, Брежго приходилось ездить в Смоленск на заседания Комиссии по управлению Смоленским и Витебским отделениями МАИ (председатель комиссии В.П. Лапчинский), отчитываться о том, как строится и выполняется учебный план, согласно ли расписанию ведутся занятия; приходилось договариваться о приезде тех лекторов, которые постоянно жили в Смоленске. Последнее было особенно сложно, поскольку на проезд требовалось в то время особое разрешение властей; не всегда регулярным было железнодорожное сообщение. Не на все заседания комиссии удавалось попасть и самому Брежго [29, лл. 26–31].

В 1922 г. Б. Брежго пришлось заниматься делами, связанными с закрытием отделения [5, с. 219–222]. В 1925 г. он навсегда уехал в Латвию. Полученное им в МАИ образование позволило ему занять одно из ведущих мест и среди историков, и среди архивистов Латвийской республики.

Заключение. Таким образом, материалы из фонда МАИ в Московском историческом архиве вносят важный вклад в представление о стремлении латышей к культуре и высшему образованию в первые два десятилетия XX в. Если абитуриенты 1918–1920 гг. намеревались получить именно диплом о высшем об-

разовании, то поступавшие в МАИ вольнослушателями до революции воспринимали его как некий «институт культуры», вряд ли планируя радикально менять уже имевшуюся профессию и образ жизни. При этом они осознанно шли и на затрату денежных средств, и на занятия в вечернее время (после основной работы) шесть дней в неделю, причем на занятия, требовавшие и большого внимания, и дополнительного приложения значительных усилий, чтобы освоить многочисленные сложные курсы.

Документы интересны и для изучения того, какие учебные заведения выбирали латыши, для которых и по социальным, и по языковым причинам гимназии были малодоступны. Наглядно отражена также нацеленность их на образование как выход из крестьянского сословия. Причем, путь к получению «свидетельства о зрелости» мог быть достаточно сложным и растягиваться на многие годы. Показателен и уровень женского школьного образования – все девушки, поступавшие в институт, имели свидетельство об окончании гимназии с дополнительным классом, уже дававшим им профессию педагога (не слишком доходную в финансовом отношении, но весьма уважаемую и позволявшую перейти в более высокую, по сравнению с крестьянством, социальную страту).

Знаменательно и то, что этническим латышом (точнее, латгальцем) был заведующий Витебским отделением, исполнявший эту обязанность в самые сложные годы существования института, когда обычный учебный процесс и научная деятельность сталкивались с ситуацией войны и разрухи. В сохранении ценного губернского архива, переданного в распоряжение института, также его большая заслуга.

В заключение подчеркнем, что настоящее исследование не может считаться завершенным без поисков и активизации материалов по истории Витебского отделения и из белорусских архивов.

Литература

1. Положение об Археологическом институте. – СПб., 1877.
2. Памятная книжка для слушателей Московского археологического института имени императора Николая II. – М.: Издание МАИ, 1916.
3. Центральный архив города Москвы. – Фонд 2398. – Д. 1 (Московский археологический институт. Проект положения о Российских университетах 1918 г.).
4. Иванов, А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. / А.Е. Иванов. – М., ИИССР, 1961. – С. 123–128, 173.
5. Шумейко, Н.Ф. Из истории Витебского отделения Московского археологического института / Н.Ф. Шумейко // Вестник архивиста. – 2011. – № 3. – С. 205–222.
6. Салова, Ю.Г. Деятельность Ярославского отделения Московского археологического института в 1907–1922 гг. / Ю.Г. Салова // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы. – Ярославль, 1994. – С. 175; Аграфонов, П.Г. Ростовское отделение Московского археологического института / П.Г. Аграфонов // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2002 г. Ростов 2003 (<http://www.rostmuseum.ru/publication/historyCulture/2002/agrafonov01.html>).
7. Назарова, Е.Л. Францис Балодис в Москве. 1907–1917 (по материалам московских архивов) / Е.Л. Назарова // Arheoloģija un etnogrāfija. – Rīga, 2010 – 24. laid. – 28. – 36. lpp.
8. Отчет о состоянии Московского археологического института имени императора Николая II за 1912–1913 гг. – М.: Изд-во МАИ, 1914. – С. 35.
9. Отчет о состоянии Московского археологического института имени императора Николая II за 1911–1912 гг. – М.: Изд-во МАИ, 1913. – С. 37.
10. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 318 (Личное дело К.К. Беркиса). – Д. 123 (Личное дело Г.А. Ансаберга).
11. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 2. – Д. 30 (Личное дело И.-К. Я. Вилькс).
12. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 473 (Личное дело А.Р. Брежго).
13. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 3362 (Личное дело К.Р. Рубула). – Д. 317 (Личное дело П.Ю. Берзина). – Д. 478 (Личное дело А.А. Бремзе).
14. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 3878 (Личное дело Я.Я. Сутты); Ērgļu pagastskola // <http://www.home.lv/ticet/pagastsk.htm>.
15. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 476 (Личное дело С.Р. Брежго).
16. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 475 (Личное дело Б.Р. Брежго).
17. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 347 (Личное дело Я.Ю. Биезайса). – Д. 4534 (Личное дело Э.К. Шмидта).
18. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 4607 (Э.Ю. Элкснит).
19. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 3. – Д. 61 (Переписка за 1918 г.).
20. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 2219 (Я.Я. Легздын). – Д. 4682 (А.А. Янсон); Д. 4682 (Г.Я. Янсона). – Д. 4610 (В.Г. Эмзынь); Д. 215 (О.В. Баллод).
21. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 2474 (М.Р. Матке). – Д. 3155 (П.Д. Преценек). – Д. 1967 (М.М. Крамп).
22. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 247 (К.П. Баум). – Д. 3600 (О.Х. Скрытул), Жертвы политических репрессий/<http://lists.memo.ru/index18.htm>.
23. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 474 (А.Г. Брежго).
24. Nekropole Personu saraksts// <http://www.lkok.com/detail1.asp?ID=1350>.
25. Берзин Петр Юрьевич // <http://www.nekropole.lv/lv/person/list/char/RU?order=0&start=20>.
26. Белорусский «Мемориал»/<http://lists.memo.ru/d18/f136.htm>.
27. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 475 (Личное дело Б.Р. Брежго).
28. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 3. – Д. 61 (Переписка канцелярии МАИ за 1918 г.).
29. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 3. – Д. 23 (Отчеты о деятельности отделений института за 1913–1919 гг.).

Поступила в редакцию 09.04.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.